

ДРАМА — ЭТО БОРЬБА

В ПОСЛЕДНЕЕ время драматургия и театр стали привлекать к себе все большее и большее внимание.

Несколько месяцев назад на страницах «Комсомольской правды» я высказал убеждение, что мы находимся перед началом нового — плодотворного — периода в драматургии.

Мне кажется, время подтвердило правомерность моего оптимизма. Было бы преувеличением заявить, что в театре наступил золотой век, но самый факт появления произведений о современности, привлекающих внимание и зрителей и критики, факт отрядный.

Оживление в нашей драматургии — явление глубоко закономерное.

В дни, когда явственно обозначился качественный скачок, совершенный нашим обществом, когда сорокалетний труд партии и народа позволил увидеть коммунистическое будущее реальным и близким, наши современники испытывают насущную необходимость в искусстве, которое может им помочь увидеть и осмыслить значение их деяний, богатство и многообразие их духовной жизни.

Процесс осмысления времени, постижения жизни, происходящий сейчас с необычайной интенсивностью, то и дело выплескивающийся на страницы газет и журналов потоком читательских писем, призывает на подмостки героя остро чувствующего и напряженно думающего, героя, способного воплотить в себе эти существеннейшие черты современной общественной жизни.

В особенности испытывает необходимость в таком герое наша молодежь с ее жаждой познания мира, любовью к постановке животрепещущих проблем и поисками своего пути и места в жизни.

В связи со своей последней работой мне много приходилось задумываться над разнообразными вопросами, обступающими молодого человека. В процессе формирования своего характера и мировосприятия он проходит сквозь столкновение многих мыслей и ощущений. Он охвачен беспокойным желанием постичь главные тенденции своего времени.

Если попытка провозгласить в драматическом произведении исчерпывающий ответ, «конечный вывод мудрости земной», может показаться чрезмерной претензией, то во всяком случае драматург обязан поставить волнующие проблемы и в какой-то мере помочь своему зрителю в них разобраться.

Жизнь человеческого духа сложна, в чем-то конфликтна, и писатель, желающий написать драму, должен уметь подсматривать жизненные столкновения.

Кажется, давно уже всем ясно, что драма — это борьба, а все-таки нет-нет да и приходится возвращаться к повторению старых истин.

В дискуссии, ведущейся в «Литературной газете», была высказана мысль,

что почин Гагановой, в том случае, если он протекал в атмосфере общей поддержки, не есть предмет драмы. Мысль эта вызвала резкую отповедь некоторых участников дискуссии. Надо полагать, что путь Гагановой не был усыян одними розами, и если бы оппоненты указали именно на это обстоятельство, их можно было бы понять. Но они протестовали совсем по другому поводу. Наоборот, они также исходят из того, что никаких трудностей преодолеть Гагановой не приходилось. — Этого, по их мнению, для драмы вовсе не требуется, и разговор о необходимости драматической коллизии лишь препятствует появлению на сцене положительного героя.

Неосновательность подобных упреков очевидна. Я думаю, Гаганова не сразу стала тем, что она есть, и вот процесс воспитания гагановского характера, должно быть, очень не простой, рождение коммунистических принципов в ее сознании, бесспорно, могут быть освещены драматургом.

Вместе с тем мне кажется, что не все даже самые героические явления нашей жизни могут стать предметом драмы. В свое время Горький писал: «Не представляю, как зимовка челюскинцев может послужить сюжетом драмы?.. Личных конфликтов среди зимовщиков не было. Челюскинцы — сюжет для эпической поэмы, а не для драмы».

Профессия драматурга предполагает раскрытие и осмысление жизненных столкновений. Помимо пережитков капитализма, с которыми, разумеется, нужно бороться, писателю необходимо распознавать и помогать партии разрешать те вопросы, которые возникают в самом ходе времени. Именно так всегда поступали писатели, отличающиеся высокой партийностью, вопреки ханжеским голосам, отрицавшим возможность возникновения каких-либо конфликтов в наше время. Как будто можно лишить общественную формуляцию ее динамической способности порождать и разрешать те или иные проблемы! Партия своими великими преобразованиями в промышленности, в сельском хозяйстве, в деле воспитания молодежи дала этой приспособленческой метафизике поистине блестящий урок диалектики.

Все обновляется в природе, обновляется и драматургия. Год от году появляются в ней новые имена. Только за последний сезон мы познакомились с Хмеликом, Ставицким, Блиновым, Шевкуненко. Их приход в драматическую литературу можно лишь приветствовать.

Хочется только сказать, что молодой литератор должен совершенствоваться не только свое мастерство, но и свою личность. Несоответствие между репликами действующих лиц и собственным поведением непреложно отражается на качестве произведения.

Я с болью слежу за тем, как складывается судьба И. Куприянова, дебютировавшего в прошлом сезоне пьесой «Сын века». Я помню его скромным, милым человеком, искренне увлеченным литературой. Пьеса его была поставлена хорошими театрами. Вместо того чтобы указать дебютанту, что ему надо развивать, а от чего избавляться, некоторые критики по неведомым соображениям начали искусственно раздувать вокруг пьесы «Сын века» шумиху, выдавая ее чуть не за эталон советской драматургии. Такое уже бывало не раз, но, как известно, со временем все становится на место. Куприянову пришлось выслушать справедливые слова о своем детище. И он, без юмора воспринявший недавние славословия, этого не перенес. Еще не успев написать следующей пьесы, драматург почувствовал себя ущемленным. В своих частых устных и печатных выступлениях он стремится доказать то, что можно доказать только качеством своей работы. И те, кто подбадривает Куприянова на этом печальном пути, и те, кто снисходительно над ним посмеивается, не хотят замечать, что на их глазах начинается длинная драма — одна из тех литературных биографий, которые становятся впоследствии предостережением юношам, мечтающим о писательстве.

Между тем обижаться не на что. Надо работать.

А рабочая атмосфера всегда самая здоровая. Когда человек занят делом, он меньше думает о вопросах, не имеющих к искусству прямого отношения, не занимается классификацией драматургов по группам и направлениям.

Можно с уверенностью сказать, что у нас нет каких-то особых направлений в драматургии. Я много слышал о розовско-арбузовском направлении в драматургии и никогда не понимал, что это значит.

Не нужно быть литературоведом, что-

бы увидеть, какие это разные писатели — Арбузов и Розов. Общим для них является пристальное внимание к человеку, но это свойство отличает всех серьезных литераторов. Если же имеется в виду интерес Арбузова к творчеству Розова и Розова — к творчеству Арбузова, то этот интерес объясняется, на мой взгляд, просто тем, что их привлекает друг в друге талант.

Необходимо «примириться» с тем, что художественные критерии в нашей литературе будут расти день ото дня вместе с культурными запросами все более и более совершенствующегося человека нашего общества. Нравится это драматургам или нет, но им придется подтягиваться. Шаблонные мысли, штампованные образы, добродетельные резонеры и понятные с первого слова рутинеры дороги к сердцу зрителя не найдут.

Писатель, озабоченный тем, чтобы лучше и глубже донести до народа коммунистические идеалы, должен ежедневно оттачивать свое мастерство, искать новых путей, ярких и оригинальных. Им должен владеть тот беспокойный дух, который Горький называл «пафосом учебы», вечная неудовлетворенность собой.

Мне кажется, что рост нашей драматургии, явственно наметившийся в этом сезоне, будет продолжаться. Те, кто оглядывается назад и упрямо не желает видеть огромную, плодотворнейшую работу, проделанную партией в области искусства, тем самым выдают лишь собственную несостоятельность и неспособность идти в ногу с временем.

Завтрашний день будет днем новых побед и свершений.

Леонид ЗОРИН.